

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧЕРНОМУ ОХОТНИКУ¹

Как и многие другие неоднозначные явления, «Черный Охотник» может похвастаться двойной датой рождения. Как и Первый Интернационал рабочих, он может быть назван «французским ребенком, отданным английской кормилице», но не в столицу, а в Кембридж. Впервые доклад на эту тему был заслушан в Ассоциации содействия исследованиям Греции 6 февраля 1967 г. под заголовком «Le Chasseur noir», а год спустя, 15 февраля 1968 г., превратившись в «The Black Hunter», он прозвучал в Кембриджском филологическом обществе. Правда, я должен заметить, что в Париже слушатели, если и были, как мне сказали, заинтересованы, то все же остались немы. В Кембридже, напротив, дискуссия была оживленной. В ней участвовали не только специалисты-антиковеды, но и всемирно известный антрополог Эдмунд Лич, ставший впоследствии сэром Эдмундом.

Оба доклада были опубликованы — в Париже несколько позже, чем в Кембридже². Насмешливый структуралист не преминет отметить забавный хиазм: в Кембридже, университете, где антиковеды были одновременно антропологами (стоит ли напоминать имена Дж. Харрисон или Ф. Мак-Дональд Корнфорда?), моему тексту оказал гостеприимство благо-разумный филологический журнал, в то время как в Париже, где антропологи-эллинисты — Л. Жерне, А. Жанмер, Ж.-П. Вернан — проводили свои исследования чаще всего вне университета, работа была опубликована как раз в университетских «Анналах».

Маркс говорил, что люди загадывают себе только те загадки, которые в состоянии разгадать. Я не претендую на окончательную разгадку за-

¹ В основе данного сочинения лежит «Corbett Lecture», прочитанная 2 мая 1986 г. в Кембридже. Именно тогда я в последний раз видел моих друзей Мозеса и Мери Финли, памяти которых я и посвятил английскую публикацию этой работы (The Black Hunter revisited // PCPS. 1986. 212. P. 126—144). Предлагаемый ее вариант, значительно расширенный и пересмотренный, я посвящаю Пьеру Левеку, учеником которого я был еще в Коллеж Севинье в 1953—1955 гг. — в память о 33 годах сотрудничества в самых разных областях, которое помогло периодически возникавшим между нами временным разногласиям не повредить нашей дружбе, во взаимности которой я уверен. Я уверен также, что он не рассердится на меня за то, что я думаю одновременно и об уже ушедшем М. И. Финли, с которым ему часто приходилось спорить, и о нем, к счастью, живом и здоровом. Во всяком случае, интеллектуальное сотрудничество, соединившее нас, остается для меня незабываемым. Я сердечно благодарен Мод Сисанг, перечитавшей мой текст с обычной скрупулезностью. (Редакция ВДИ получила данную статью во французском варианте. Перевод выполнен А. И. Иванчиком. Ему же, за исключением оговоренных случаев, принадлежат переводы цитируемых греческих текстов).

² Vidal-Naquet P. Le Chasseur noir et l'origine de l'éphébie athénienne // Annales ESC. 1968. 23. P. 947—964; *idem*. The Black Hunter and the origin of the Athenian ephebeia // PCPS. 1968. 194. P. 49—64 (transl. by J. Lloyd). У истоков этих публикаций стояли также Ж. Ле Гофф и Д. Пейдж.

гадки, но уверен, что и загадки, и проблемы появляются на университетском небосклоне отнюдь не случайно. В начале 60-х годов я прочел полезную книжку римского антиковеда Анжело Брелича, посвященную взаимосвязи войны, религии и инициаций юношей в Греции³, т. е. по той теме, которая по существу стала одной из основных тем «Черного Охотника». Когда моя работа была опубликована, я отправил ее Анжело Бреличу, с которым не был лично знаком. Он ответил мне, что только что сдал в печать работу, которая в итоге стала его главным жизненным трудом, — книгу «*Paides e parthenoi*»⁴, целиком посвященную инициациям юношей и девушек в греческом мире.

Впрочем, если в моей статье и было что-то оригинальное, то это вовсе не то, что касалось юношеских инициаций. «Пионерской» работой на эту тему является все же, очевидно, работа А. Жанмера, «*Couroi et Courètes*»⁵, ученого, который еще в 1913 г. опубликовал свое знаменитое исследование «Лакедемонские криптии»⁶. В моем сравнении афинской эфебии со спартанскими криптиями также не было ничего нового — это было, по правде говоря, почти общее место. В то же время «Черный Охотник» был если и не первой попыткой применения «структурного» метода в антиковедении⁷, то, возможно, первой работой историка-эллиниста, использующей леви-строссовские концепции для понимания некоторых черт древнегреческого общества. Я сказал именно *историка* Греции, а точнее — историка греческого общества, поскольку моей задачей не сейчас, ни когда-либо раньше не было изучение греческих мифов самих по себе и для самих себя (как это делали на определенных этапах своего научного развития или до сих пор такие ученые, как М. Детьен в Париже, Э. Пеллицер в Триесте или Дж. Фонтенроз в Калифорнии). Моей задачей было изучение соотношения между данными мифологии и историческим обществом или, лучше сказать, политикой.

С чего началось мое исследование⁸? Вначале речь шла не об Афинах, а о Спарте — о том, чтобы ответить на поставленный в 1913 г. А. Жанмером вопрос: был ли страшный институт криптий лаконского общества военным предприятием? Отборнейшие юноши «крипты», которые зимой рыскали по горам и с помощью звериных хитростей убивали илотов, действительно ли они проходили испытание воинской подготовки? А. Жанмер возражал против этого, говоря о том, что вся военная история Спарты восстает против предположения, будто спартанские гоплиты ползали в кустарнике или карабкались на скалы и стены. И как же тогда гоплиты, если они проходили такую тренировку, могли во времена Леонида при Фермопилах оставить без охраны тропинку, по которой Эфиальт

³ Brelich A. Guerre, agoni e culti nella Grecia arcaica. Bonn, 1961.

⁴ Idem. Paides e parthenoi. Roma, 1969. Материал, изложенный в этой книге, можно дополнить с помощью рецензий на нее, особенно: Calam: Cl. // Quad. Urb. 1971. 11. P. 7—47 и Sourvinou-Inwood Ch. // JHS. 1971. 91.

⁵ Jeanmaire H. Courroi et Courètes. Lille — Paris, 1939.

⁶ Idem. La Cryptie lacédémonienne // REG. 1913. 26. P. 121—150.

⁷ Можно назвать, например, статью: Vernant J.-P. Hestia — Hermès. Sur l'expression religieuse de l'espace et du mouvement chez les Grecs // L'Homme. 1963. III. 3. P. 12—50. С ней можно теперь ознакомиться в сборнике: Mythe et pensée chez les Grecs. Nouv. éd. P., 1985. P. 155—201.

⁸ Ниже «Черный Охотник» («Le Chasseur noir») будет означать статью 1968 г., Черный Охотник (Le Chasseur noir) — книгу 1981—1983 гг., а Черный Охотник — героя моего исследования. Напоминаю, что Черный Охотник содержит на с. 95—114 статью, написанную совместно с П. Левеком.

провел врагов-персов⁹? Я же пришел к выводу, что необходимо обратить внимание на контраст, понятый как ряд оппозиций — крипт относится к гоплиту так же, как горы — к равнине; «голый» (*γυμνός*), т. е. лишенный тяжелого вооружения, юноша — к воину в полном вооружении; коварный убийца илов — к бойцу, сражающемуся в фаланге лицом к лицу с врагом, ночь — к дню, и, разумеется, сырое — к вареному¹⁰.

Из Спарты я перенесся в Афины и попытался понять миф, объясняющий происхождение Апатурий — ионийского праздника фратрий, во время которого молодые эфебы принимались в сообщество мужчин и граждан. Это рассказ о черном афинском герое Меланфе, который использовал хитрость (*ἀπατή*), чтобы на границе с Беотией победить царя Фив, белокурого Ксанфа. Станный и мрачный рассказ для эфебов, которые становятся гоплитами. Контраст со знаменитой клятвой, по которой они обязывались вести себя как подобает достойным членам фаланги, столь же поразителен, как и противоположность между спартанскими воинами и криптами. Во время доклада в Кембридже Эдмунд Лич обобщил мои наблюдения, подчеркнув, что во многих обществах при прохождении обряда инициации разница между *до* и *после* резко подчеркивалась: именно во время превращения в мужчин мальчики переобдевались в девочки.

После Спарты и Афин наступил черед охоты. В то время существовало весьма небольшое количество исследований о греческой охоте¹¹. Я мог, конечно, использовать некоторые прямые свидетельства, например, о том, что знатные македоняне получали право возлежать, как взрослые, на пирю только после того, как убивали кабана без использования сетей (Athen. I. 18a). Я нашел в «Законах» Платона (VII. 822d—824a)¹² и в некоторых других источниках противопоставление охоты «гоплитского» типа, какая практиковалась, например, в Спарте, и «догоплитского» эфебовского способа охоты, использующего хитрость, сети и покров ночи. Что до самого Черного Охотника, то, в конечном счете, этого персонажа не существует ни в греческой литературе, ни в эпиграфических или археологических памятниках, хотя мне случалось встречать его без малейшей ссылки в научной литературе, узнавая с удивлением даже, что он иногда

⁹ *Jeanmaire*. La Cryptie... P. 142. Или следует иметь в виду, как Кавафи в его знаменитой поэме, что в любом случае Эфиальт появился бы в конце концов: *ὁ Ἐφιάλτης θὰ φανεῖ στο τέλος?* Об идеале спартанского гоплита в целом см.: *Cartledge P.* Hoplites and heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // *JHS*. 1977. 97. P. 11—27, перепечатано в книге: *Sparta*. Darmstadt, 1986. P. 387—425, 470; *Lorant W.* La belle mort spartiate // *Ktéma*. 1977. 2. P. 105—120.

¹⁰ Возможно, это покажется странным, но последняя оппозиция не сразу пришла мне в голову, и мой друг Ш. Маламу дополнил этот список — ведь очевидное часто пропускают.

¹¹ Основной работой долгое время была *Manns O.* Über die Jagd bei den Griechen // *Prog.* Cassel, 1888. S. 7—38; 1889. S. 3—20; 1890. S. 3—21. А Шнапп предпринял по этой теме весьма глубокое исследование и уже защитил диссертацию 3-й ступени. Та же тема стоит в центре его докторской диссертации. См. его статьи: *Schnapp A.* Pratiche e immagini di caccia nella Grecia antica // *Dialoghi di archeologia*. N.s. 1979. 1. P. 35—59; *idem*. Images et programmes: les figurations archaïques et la chasse au sanglier // *Rev. Arch.* 1979. P. 195—218; *Schnapp A.*, *Schmitt-Pantel P.* Images et société en Grèce ancienne: les représentations de la chasse et du banquet // *Ibid.* 1982. P. 57—74. Теперь можно использовать также: *Anderson J. K.* Hunting in the ancient world. Berkeley — Los Angeles — London, 1985. См. еще очень краткую статью, опубликованную в то время, когда я готовил эту работу: *Sherratt A.* The chase, from subsistence to sport // *The Ashmolean*. 1986. 10. P. 4—7.

¹² Толкование этого текста, сильно отличающееся от моего, см.: *Lonis R.* Guerre et religion en Grèce a l'époque classique. Besançon — Paris, 1979. P. 32—33.

пользовался бумерангом¹³. Черный Охотник — это название одного из участников французской охоты на волков, но когда речь идет о греческом мире, его создателем являюсь я и именно я несу за него ответственность. Когда мне нужно было выбрать изображение на обложке книги, носившей его имя, я избрал по совету Николь Лоро Черного Охотника не из греческого искусства, а с картины Паоло Учелло, которая стала мне хорошо знакома после частых посещений Эшмолин Музеума в Оксфорде.

Не будем заводить парадоксы столь далеко. Разумеется, у моего Черного Охотника нет недостатка в греческих прототипах. Я уже назвал одного из них — Меланфа из мифа Апатурий, служившего образцом для афинских эфебов, которые сами в некоторых торжественных случаях¹⁴ носили черные хламиды. Меланф победил Ксанфа в битве в Мелайпах («черной стране»), во время которой он получил помощь от Диониса Меланэгиды, т. е. «носящего шкуру черной козы», однако он не был охотником.

Другой прототип, которые тоже был для меня отправной точкой — носящий менее мифологическое имя Меланий, история которого частично рассказана хором старцев в «Лисистрате» Аристофана:

Сказку
Я хочу сказать, какую слышал
Маленьким ребенком,
Вот как.
Меланион жил молодой (*νεανίσκος*) и, брака
Не желая, спасся бегством,
И в горах скитался,
И ловил он зайцев,
Им сплетая сети,
Взял собаку — друга.
И назад домой он не бежал во гневе.
Вот как
Не терпел он женщин.

Стрк. 781—797. Пер. Д. Шестакова

Но я помнил, конечно, и то, что супруг Аталанты Меланий был героем Калидонской охоты, настоящей коллективной охоты героев¹⁵.

Я сделал Черного Охотника символом эфеба, не прошедшего инициацию¹⁶, а также символом переходного состояния (однако весьма часто, к моему великому удивлению, мою концепцию просто не понимали)¹⁷.

¹³ Faure P. *La vie quotidienne en Grèce au temps de la guerre de Troie*. P., 1975. P. 148.

¹⁴ Хламида была признаком эфеба и в классическую, и в эллинистическую эпоху. Из последних работ см.: Gauthier Ph. *Les chlamydes et l'entretien des éphèbes athéniens: remarques sur le décret du 204/3* // *Chiron*. 1985. 15. P. 149—163, с исправлением, опубликованным в том же журнале — *Chiron*. 1986. 16. P. 15—16. О черных хламидах афинских эфебов см. *Le Chasseur noir*. P. 160—161 и ссылки, данные в примечаниях.

¹⁵ Я отвечаю здесь Дж. К. Андерсону (*Anderson*. *Op. cit.* P. 159. *Not.* 3). См. «*Le Chasseur noir*». P. 962—963; См. также: Rubin N. F., Sale W. M. *Meleager and Odysseus: A structural and cultural study of the Greek hunting-maturation myth* // *Arethusa*. 1983. 16. 1—2. P. 137—171, но эти авторы знают Мелеагра гораздо лучше, чем Мелания.

¹⁶ Эти представления были правильно, как мне кажется, использованы С. П. Стеткевич для истолкования строения доисламской поэзии: *Stetkevych S. P. The su'ruk and his poem: a paradigm of passage manqué* // *JAOS*. 1984. 104. 4. P. 661—678.

¹⁷ Я имею в виду в первую очередь замечания, которые были мне сделаны в статье: Pleket H. W. *Collegium Iuvenum Nemesiorum. A note on ancient youth organisation* // *Mnemosyne*. 1969. 22. P. 281—298, особенно 294.

Почему эфеб в своей знаменитой клятве клянется вести себя как гоплит? Ответ кажется мне совершенно ясным: для юноши хитрость (*ἀπατή*) — это настоящее, чувство же локтя в фаланге — будущее.

Таков был «Черный Охотник» в 1968 г. Остался ли он впоследствии самим собой? И да, и нет. Существует старая риторическая фигура: Жан имел нож, он сменил лезвие, затем ручку, но этот нож остался по-прежнему ножом Жана. Мое исследование было опубликовано еще на нескольких языках, а затем включено в сборник¹⁸. Я воспользовался этим для того, чтобы усилить аргументацию и исправить неточности, на которые указывали критики¹⁹. Но кроме этой необходимой «косметики» я поставился расширить материал исследования, обращаясь в своей работе к близким сюжетам: эфебия и трагедия (по поводу «Орестей» Еврипида и «Филоклеты» Софокла), эфебия как символическое место встречи исторического и антропологического методов и совсем недавно — Александр Великий, царская охота и охота эфебов²⁰.

Конечно, «Черный Охотник» вызвал много споров и возражений²¹. Некоторые ученые приняли по меньшей мере главную часть моей аргументации²² — среди них лучший знаток эфебовских надписей IV в. до н.э. О. Реймут²³. Иногда со мной спорили — вежливо или резко²⁴. И наконец, мои гипотезы развивали применительно к разным периодам и моментам истории — либо используя их, либо отмечая различия²⁵.

¹⁸ Il Mito. Guida storica e critica / Ed. M. Detienne. Bari, 1975: «Черный Охотник», естественно, вошел в книгу под тем же названием и был еще раз пересмотрен: см. Vidal-Naquet P. The Black Hunter. Baltimore — London, 1986. Эту статью часто цитируют по сборнику: Myth, religion and society / Ed. R. Gordon, Cambr., 1981. P. 147—162, с дополнительными примечаниями издателя.

¹⁹ См., например: Maxwell-Stuart P. G. Remarks on the black cloaks of the ephebes // PCPS. 1970. 196. P. 113—116. Я обязан многими замечаниями моим друзьям, особенно М. Детьену и А. Шнаппу.

²⁰ См. две мои работы: Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie. V. I. P., 1972; Vidal-Naquet P. Le cru, l'enfant grec et le cuit (1974), переизданная в исправленном и расширенном виде в Черном Охотнике, с. 177—207; глава «Alexandre et les Chasseurs noirs» в работе: Flavius Arrien entre deux mondes // Arrien. Histoire d'Alexandre le Grand. P., 1984. P. 355—365. Упомяну здесь также совместную с Ж. Ле Гоффом работу о средневековом развитии этих представлений, которую можно найти в: Claude Lévi-Strauss / Ed. R. Bellour, C. Clement. P., 1979. P. 265—319, а также в: Le Goff J. L'imaginaire médiéval. P., 1985. P. 151—187 под заглавием «Lévi-Strauss en Brocéliande. Esquisse pour une analyse d'un roman courtois». Анализируемый роман — «Ивейн, или Рыцарь со львом» Кретьена де Труа.

²¹ Он даже вдохновил, что было более чем неожиданно, роман для детей: Weulersse O. Le Messager d'Athènes. P., 1985.

²² См., например: Sourvinou-Inwood Ch. Rez.: Brelich A. Paidés e parthenoi // JHS. 1971. 91. P. 172—177; Bruhns H. Initiation in der Antike: Tod, Wiedergeburt und Politik // Journ. für Geschichte. 1979. 1. S. 33—37; Mason P. The City of men. Ideology, sexual politics and the social formation. Göttingen, 1984. S. 50—58.

²³ Reinmuth O. W. The ephobic inscriptions of the fourth century B. C. Leyde, 1971. P. 126.

²⁴ Вежливо — Anderson. Op. cit. P. 159. Not. 3; резко — Di Benedetto V. Il Filottete e l'efebia secondo Pierre Vidal-Naquet // Belfagor. 1978. 33. P. 191—207, перепечатано в: Di Benedetto V., Lami A. Filologia e marxismo. Contra le mistificazioni. Napoli, 1981. P. 115—136.

²⁵ Кроме уже упомянутых работ А. Шнаппа см. Schmitt-Pantel P. Athéna Apaturia et la ceinture. Les aspects féminins des Apaturies à Athènes // Annales ESC. 1977. 32. P. 1059—1073. Б. Сержан развил некоторые послышки моей работы с почти барочной пышностью — см., например: Sergent B. L'homosexualité dans la mythologie grecque. P., 1984. P. 250—256. Ниже я сошлюсь на важные дополнения, которыми я обязан Б. Браво и Ф. Готье, а также на исследования Дж. Винклера. О римском мире см. в совершенно независимом от моей работы, но связанном с исследованием А. Брелича, труде: Torelli M. Lavinio e Roma; riti iniziatici e matrimonio tra

Со своей стороны, когда я перечитываю первый вариант статьи, то чувствую себя достаточно неловко (чтобы не сказать больше) не столько из-за тех или иных ошибок, которые были мною позже исправлены (возможно, часть их еще сохранилась), сколько из-за общей тенденции использовать лишь первый уровень источников, какие бы они ни были — схолии, лирическая поэзия, трагедия, мифография. Все они одинаково привлекались как свидетельства для изучения социальной истории. Говоря об иконографии, я написал даже: «Каждый знает, и это подтверждается вазописью, что афинские эфебы носили черные хламиды вплоть до времени щедрых пожертвований Герода Аттика»²⁶. П. Максвелл-Стюарт²⁷ совершенно справедливо критиковал меня за это — исходя из существующих источников невозможно сформулировать столь общее утверждение. Данное утверждение очень ярко показывает, что в то время я разделял, как, возможно, и сам П. Максвелл-Стюарт, наивное или по меньшей мере упрощенное представление, будто вазопись вообще может отвечать на такого рода вопросы, касающиеся реальности.

Благодаря исследованиям таких ученых, как Ж.-Л. Дюран, Ф. Лисарраг, П. Шмитт-Пантель, А. Шнапп²⁸, я понимаю теперь, что сама постановка подобных вопросов лишена смысла. Но даже не будучи еще знаком с этими работами, я давно должен был бы знать, что в архаическую и классическую эпоху обычной формой изображения сражения в Афинах был поединок, а не фаланга, что, однако, не имело ничего общего с реальной практикой²⁹. Во всяком случае сейчас я знаю — изучать язык живописи как таковой, не отказываясь при этом от занятий социальной историей, — довольно трудное предприятие.

Если главной слабостью моей статьи 1968 г. была манера обращения с источниками, то, вновь проходя по старой дороге, я должен был в первую очередь показать, как их следует изучать.

Начну с Гомера. Как ни странно, свидетельства Гомера практически отсутствовали в моей статье. Конечно, я упоминал там «волка» Долона, черного козопаса и предателя Меланфа — Меланфия, а также его сестру служанку Меланфу, также виновную в предательстве. Но я ни слова не сказал ни о самом Одиссее, главном носителе мифа, ни о его знаменитой охоте у Автолика с дядьями по матери в XIX песне «Одиссеи» — эпизоде инициации в чистом виде³⁰, который с полным основанием открывает недавнюю работу Дж. Андерсона.

Передо мной, как учеником М. Финли, встает вопрос, который является центральным, когда речь идет о Гомере, однако имеет значение не

archeologie e storia. Roma, 1984. P. 106—115. Что касается более позднего времени то сходства и различия с исследованным мной институтом отмечены в работах: *Pleket*. Op. cit. P. 281—298; *Jaczynowska M.* Les organisations des Iuvenes et l'aristocratie municipale au temps de l'empire romain // *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique* / Ed. C. Nicolet. P., 1970. P. 265—274. О средневековые см.: *Guerreau A.* Le Bel inconnu. Structure symbolique et signification sociale // *Romani*. 1982. 409. P. 28—82; *Davidson O. M.* The crown-bestower in the Iranian book of kings // *Mélanges*. Leiden, 1985; *Grisward J. H.* Archéologie de l'épopée médiévale. P., 1981.

²⁶ «Le Chasseur noir». P. 953. Я не упоминаю здесь классическую статью П. Русселя: *Roussel P.* Les chlamydes noires des éphèbes athéniens // *REA*. 1941. 43. P. 163—165, в которой говорится в основном о текстах, а не изображениях.

²⁷ *Maxwell-Stuart*. Op. cit. Not. 21.

²⁸ См., например, коллективный труд: *La Cité des images* / Ed. Cl. Bérard, J.-P. Vernant. Paris — Lausanne, 1984.

²⁹ Говоря о работе Ж. Бажана на эту тему, Метцгер (*Metzger H.* Bulletin archéologique, Céramique // *REG*. 1986. 99. P. 107 замечает: «Автор в некоторой степени ломится в открытые двери». Вполне ли он прав?

³⁰ См. *Rubin. Sale*. Op. cit.

для него одного. Когда мы говорим о каком-то общественном институте, например инициациях юношей, в какой степени мы подразумеваем реальный институт, функционировавший в когда-то существовавшем в реальности обществе? Или же мы обсуждаем лишь элемент эпического или сказочного сюжета? Другими словами, реальная инициация — это не то же самое, что инициация, описанная в литературе, или та процедура, о которой рассказывают народные сказки. Скажу даже больше — чем более знаком некий институт слушателю, тем реже он будет упоминаться, поскольку о том, что само собой разумеется, не говорят или говорят очень мало. Таким образом, мы должны делать выводы о существовании рассматриваемого института на основании данных поэмы. В случае Черного Охотника, как кажется, я могу привести пример соотношения этих двух уровней — общества и поэмы.

Идею, которую я сейчас разовью, подал мне Б. Браво³¹. Когда старый Нестор рассказывает в XI песне «Илиады» (ст. 670—762) о далеком времени своего ἱβή (ὡς ἱβώοιμι — ст. 670), он описывает распрю между его согражданами — пилосцами и эпейцами из Элиды после похищения теми скота. Пилосцы ответили на него набегом и угоном скота, можно сказать, контрнабегом, бывшем одновременно и войной, πόλεμος (ст. 684). Нестор, участвовавший в ней, убил одного из врагов. «И Нелей [его отец] обрадовался, потому что мне, юному, досталось многое, когда я отправился на войну» (ст. 683—684).

Так Нестор начал набираться военного опыта. Однако обстоятельства осложнились — появилось вражеское войско: «они же на третий день все пришли, и сами в большом числе и во всеоружии, и непарнокопытные кони» (ст. 707—709), вынудив пилосцев на мобилизацию. На этот раз Нелей запретил своему сыну участвовать в войне и спрятал коней Нестора: οὐ γάρ πῶ τί μ' ἔφη ἴδμεν πολεμῆια ἔργα — «поскольку, как он сказал, я еще совсем не знаю военное дело» (ст. 718). Как истолковать эту несостоятельность Нестора? Следует ли допустить, например, что весь пассаж более поздний и даже «до смешного неуместен» здесь³². Но даже если и так, проблема не исчезает. Следует ли в таком случае допустить, что «болтливый старик»³³ Нестор попросту слегка слобоумен? Но это тот самый тип «психологических» объяснений, от которых лучше было бы избавиться.

По предположению Б. Браво, в данном случае мы имеем дело с двумя разными способами ведения войны — войной юношей и войной взрослых. Действительно, рассмотрим внимательнее в текст. Здесь ничего не сказано о времени, когда происходит первое столкновение, однако поэт его решительно принижает. Люди Итимоней, противники Нестора, названы крестьянами (ἀγροῖωται — ст. 676). Возвращение происходит ночью (ст. 683) и только распределение угнанного скота — днем (ст. 685). Напротив, когда приходит война взрослых, в которой Нестор участвовал как пехотинец среди колесничих (ст. 721), только отправление на войну происходит ночью. Поэт тщательно описывает события двух дней, происходившие при свете солнца (ст. 723, 725, 735). Первый посвящен жертвоприношениям и завершается вечерней трапезой ἐν τελέεσσιν — «по подразделениям» (ст. 730), т. е. воинским пиршеством. Второй — день правильного сражения μάχη (ст. 736). Нестор действительно первый убивает

³¹ Bravo B. *Συλῶν Représailles et justice privée contre les étrangers dans les cités grecques* // ANSP. 1980. 3. 10. 3. P. 675—987, особенно 954—957.

³² Leaf W. *The Iliad*². V. I. L., 1900. P. 465 f.

³³ Ibid. P. 466: «garrulous old man».

в нем своего противника (ст. 738). Но важна еще одна замечательная деталь — в противоположном лагере имеется симметричный ему персонаж или, вернее, персонажи — двое Молионов, сыновей Актора³⁴. Они «еще дети (παῖδες ἐπ' ἑόντες), не вполне пока знакомые со стремительной битвой» (ст. 710). Нестор собирается убить этих очень молодых людей, сразившись с ними, но Посейдон спасает их (ст. 750—752). Таким образом, им не удастся пройти инициацию. Весь эпизод не имеет решительно никакого смысла, если не допустить, что в гомеровскую эпоху (я имею в виду здесь время жизни поэта) противопоставление между эфебом и взрослым, о котором я говорю с начала данной статьи, действовало в полную силу. Перейдя черту, Нестор отныне (разумеется, в его ретроспективном рассказе) находится по другую сторону ἤβη.

Я полагаю, что здесь мы имеем дело с обычной практикой «одиссеевского мира». Я готов согласиться с этим, тем более что отмеченное противопоставление, существующее в рассказе одного из персонажей (т. е. на втором уровне по отношению к речи поэта), фигурирует в описании (значит, по-прежнему на втором уровне), причем в самом знаменитом из всех — описании «щита Ахилла» в XVIII песне, представляющем собой квинтэссенцию гомеровского полуса³⁵. На щите изображены два города — первый мирный, второй — окруженный войной и находящийся в осаде. Осажденные используют два способа ведения войны. Первый из них — засада (λόγος — ст. 520), устроенная с помощью σκολοί, лазутчиков (ст. 523), которая завершится угоном скота и убийством пастухов (ст. 520—529). Но рядом с этой «малой войной» происходит большая, μάχη — правильное сражение на берегу реки (ст. 533). Здесь, конечно, противопоставление возрастных классов не столь очевидно, как в XI песне, хотя на крестной стене защищаются женщины, дети (νήτια τέκνα) и старики (ст. 514), о юношах же ничего не сказано. Не будет слишком смелым предположение о том, что они участвуют скорее в засаде, чем в сражении, и что это казалось поэту настолько очевидным, что он не испытывал необходимости в дальнейших уточнениях³⁶.

От общественного института, объясняющего текст, обратимся к гомеровскому персонажу, близкому к Черному Охотнику как идеальному образу, по правде говоря, гораздо более, чем все остальные. Это молодой сын Приама и Гекубы, брат Гектора и «супруг» Елены — Парис-Александр, двойное имя которого само по себе составляет особую проблему.

Действительно, Парис описан как «неполный герой»³⁷. То, что представлено как следовавшее одно за другим в жизни Нестора, сосуществует в облике Париса. Он действительно полноценный воин, убивший трех ахейцев — конечно, меньше, чем Гектор, но больше, чем Сарпедон. И, однако, с момента его появления на сцене в начале III песни «его одежда

³⁴ Именно это сказано в стихе 750, но дальнейший текст показывает, что они — сыновья Посейдона и жены Актора. Возможный смысл двойственного числа Μολιῶνε — «Молион и его близнец» (ср. замечания Д. Пейджа, который опирается на Вакернагеля: *Page D. L. History and the Homeric Iliad*. Berkeley — Los Angeles, 1959. P. 236).

³⁵ Этим указанием я обязан отчасти И. Малкину, моему другу из Тельавивского университета.

³⁶ Это противопоставление можно найти и в других местах, начиная с «Долонии» (X песнь), единственной ночной песни «Илиады». Однако следует ли напоминать, насколько «Долония» нарушает обычные нормы поэмы? См., например: *Schnapp-Gourbeillon A. Lions, héros, masques*. P., 1981. P. 104—131.

³⁷ Выражение «héros inachevé» использовано в заглавии диссертации 3-й ступени моего бывшего ученика А. Гарциу-Татти, посвященной этому персонажу (*Gartziou-Tatti A. EHESS*, 1985).

и вооружение удивляют». Его двойственность в том, что он одновременно: лучник и классический воин, мужчина и женственное существо; он вооружен как луком, так и двумя копьями — «странное вооружение для лучника, но необычное также и для копьеносца»³⁸. Столь же странно накинутая им на плечи шкура пантеры (ее следует сопоставить со шкурой волка, в которую облачается Долон в X песне). Гектор, оскорбляя Париса, говорит, что он привез «прекрасную женщину из дальней страны, невестку воинственных мужей» (III.48—49), но сам — не мужчина и не воин и обладает только красотой, даром Афродиты (ст. 44). Когда в XI песне Парис ранит Диомеда, те же оскорбления слышатся из уст ахейского героя: «лучник, позорник, кичащийся луком, подстерегающий дев, если бы ты вступил в бой лицом к лицу в доспехах (σὺν τούτοις), тебе бы не помогли ни лук, ни частые стрелы» (ст. 385—387). Лук в гомеровских поэмах почти всегда играет двойственную роль³⁹. С одной стороны — это символ власти, оружие владыки Аполлона и владычицы Артемиды, Одиссея в его дворце. С другой — он связывается с охотой (для «Илиады» занятием не героическим⁴⁰) и ассоциируется с Пандаром, охотником и предателем, с незаконнорожденным (Тевкр) или подчиненными народами (например локрийцами Аякса малого). Лук — это по преимуществу оружие Черного Охотника.

По поводу вооружения Париса говорилось, что оно может быть знаком если не «культурного отличия», то «по меньшей мере» отличного мировоззрения»⁴¹. В действительности значение этого странного костюма чисто греческое. Парис — это эфеб, как Ясон в IV Пифийской оде Пиндара: «и время приспело: пришел страшный, с двумя копьями в руке, с двумя одеждами на теле: здешняя, магнетская; в рост его дивным членам, и барсова шкура — сверху, от дрожи дождей. Не стриженными кудрями ложились волосы, а золотом растекались по всей спине»⁴². Вся легенда о Парисе-Александр⁴³ — сон Гекубы, воспитание «в лесах», пастушеская жизнь, первый брак с Эной, другой фигурой «дикого» мира, победа в беге, классическом состязании эфебов — находится, разумеется, вне пределов «Илиады».

В какой мере Гомер знал эти легенды? Несомненно, хотя бы частично. Он не описывает суд Париса, но намекает на него, говоря о деревенском дворе (μέσσαιος — XXIV.29), где троянский царевич принял и оскорбил богинь. У Гомера Парис от крайней дикости переходит к крайне рафинированной цивилизованности: ему случается заниматься любовью среди дня (III.441—446), что, конечно, противоречит правилам гомеровской морали, но что позволяют себе Зевс и Гера в знаменитой сцене XIV.292—351. Гомеровскую биографию Париса нельзя рассматривать как

³⁸ Выражения в кавычках заимствованы из книги: Kirk G. S. The Iliad: A commentary. V. 1. Cambr., 1985. P. 267b., где содержится комментарий к пассажиру III.17—20 «Илиады». Дж. Кирк, впрочем, никак не объясняет это ощущение удивления. Панцирь Парис одолжил у Ликаона, человека-волка (III.333).

³⁹ Что совершенно не было понято в работе: Pijmans B. L. Archers in the Iliad // Melanges A. N. Zadoks et J. Jitta. Groningham, 1976. P. 343—352.

⁴⁰ Schnapp-Gourbeillon. Op. cit. P. 135—148.

⁴¹ Beye C. R. The Iliad, the Odyssey and the epic tradition. London — Melbourne, 1968. P. 49.

⁴² Pind. Pyth. IV. 77—84 (пер. М. Л. Гаспарова). Ср. *Le Chasseur noir*. P. 154. suiv. и более пространный комментарий: Segal Ch. Pindar's Mythmaking. The Fourth Pythian Ode. Princeton, 1986. P. 56—60.

⁴³ Благодаря Ф. Жуану мне удалось использовать данные о Парисе, собранные Полем Ватле в его диссертации, защищенной в 1968 г. в Льеже: *Wathelet P. Les Troyens de l'Iliade. Mythe et histoire*. Liège, 1986. P. 263—334, 861—915.

прямое историческое свидетельство о жизни реальных военачальников X или Y. Как о всяком произведении искусства, о портрете Париса и его соотношении с реальностью можно сказать то же, что сказал Фрейд об отношении сна к бодрствованию: Гомер широко использует концентрацию (*Verdichtungsarbeit*), перестановки (*Verschiebungsarbeit*), наглядное изображение (*Darstellung*). Смело можно сказать, что юность Париса, в отличие от принадлежащей истории юности Нестора, вечна, как юность героя «Портрета Дориана Грея».

Вернемся к эпохе, гораздо более поздней, чем гомеровская. Ясон в IV Пифийской оде Пиндара обут лишь на одну ногу, что дополняет его облик мифологического эфеба. Платейские и афинские воины, бежавшие из осажденных Платей в 427 г. до н. э., также были обуты лишь на одну ногу, причем Фукидиду не удается объяснить нам почему. Ясона можно сравнить с Парисом — Пиндар говорит о нем, как говорят о мифологическом персонаже, но эти воины — не мифические существа. Учитывая другие упоминания «монокрепидов», можно предположить, что они разыгрывали юношеский инициационный обряд. Наше дело понять этот обряд⁴⁴.

Пусть мне будет позволено временно прервать свой исторический анализ, правда лишь для того, чтобы определить, что такое исторический анализ, когда речь идет о данной теме. Я должен сделать эти уточнения, поскольку довольно часто нам приходится иметь дело с двумя противоположными, но симметричными подходами, причем оба, на мой взгляд, неприемлемы.

Недавняя книга Дж. Андерсона «Охота в древнем мире» начинается (или содержит в самом начале) с утверждения, что «речь идет здесь об охоте древних греков и римлян, понимаемой как спорт, и о конкретных деталях ее ведения, как их описывают тексты и иллюстрируют археологические материалы». Андерсон сразу добавляет, что «многие важные темы здесь или едва затронуты, или совершенно опущены», среди них, например, «охота как источник литературных образов»⁴⁵.

Коснемся вкратце проблемы «спорта». Андерсон сам понимает⁴⁶, что спорт в современном смысле слова существовал в древности лишь в незначительной мере. Более того, если называть спортивными знаменитые состязания, которые начали устраиваться в архаическую эпоху и так часто воспроизводились во времена эллинизма, то окажется, что охота не входила в их число. В той мере, в какой можно определить идеал древнего спортсмена, он оказывается соотнесенным с военным делом, а не охотой⁴⁷.

Напомним об этом, следует спросить, действительно ли мы имеем право разделять охоту как практическую деятельность и охоту как набор

⁴⁴ См. *Pind. Pyth. IV. 75. 96; Thuc. III. 22.2*. П. Левек и я в статье 1960 г. (*Historia*) размышляли над этим странным сообщением Фукидида. См. *Le Chasseur noir*. P. 104 suiv. и мои более поздние комментарии на с. 116 и 154—155. Теперь см. еще одну статью на эту тему, наводящую на размышления: *Edmunds L. Thucydides on Monosandalism. III, 22, 2 // Mélanges Sterling Dow. Durham, 1984. P. 71—75*. За указание на нее благодарю Н. Лоро.

⁴⁵ *Anderson. Op. cit. P. XI*.

⁴⁶ *Ibid. P. XII*.

⁴⁷ *Pleket H. W. Games, prizes, athletes and ideology. Some aspects of the history of sport in the Greco-Roman world // Arena. 1976. I. P. 49—83*. Эта статья, кроме других достоинств, сводит воедино многие наблюдения, рассеянные в огромном количестве трудов Луи Робера. Я оставляю сейчас в стороне римскую часть проблемы, с которой связаны совсем иные вопросы.

образов? В работе «Охота и жертвоприношение в „Орестее“ Эсхила»⁴⁸ я попытался показать, что эти образы имели совсем другой смысл, чем это обычно видят. Разве можно отделять значение изображения как важный источник для анализа литературы от его роли документального источника? Я имею в виду вазопись и скульптуру, которые широко обсуждаются и комментируются в книге Андерсона. Но как он сам обращается с этой категорией источников? Когда ему нужно представить охоту на кабана с точки зрения техники как «спортивное предприятие, столь же опасное [в классическую эпоху], как и в героическую» (высказывание, к тому же совершенно лишенное смысла, поскольку «героический век» существовал лишь в воображении Гомера, а также поэтов и преподавателей постгомеровской эпохи), Андерсон целиком цитирует отрывок из «Кинегетики» Ксенофонта (X.1—8. 10—18), добавляя просто: «это восхитительное описание не нуждается ни в интерпретации, ни в комментарии»⁴⁹. Что здесь действительно восхитительно, так это само представление о том, что текст Ксенофонта совершенно прозрачен: как будто его руководство не вписывается в историю греческой *καίθεϊα*, как будто оно не должно быть сопоставлено с тем, например, что говорит на этот счет Платон, и как будто оно могло быть написано во времена Пиндара, а не после кризиса Пелопоннесской войны (в то время, когда вокруг понятия *τέχνη* развиваются новые представления, характерные для софистов, и когда появляется то новое видение прошлого, которое заставляло Ксенофонта проповедовать новые идеи под видом древнего воспитания).

У Ксенофонта охота уже не относится к испытательному периоду, предшествующему гоплитскому военному делу. Она включена в систему военной деятельности: чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть «Кинегетику» и «Киропедию»⁵⁰. Для этого есть объективные причины: спартанский опыт чрезвычайно коллективизированной охоты⁵¹ и в особенности практический военный опыт. В 427 г. до н.э. в сражении с «варварами» этолийцами афинский полководец Демосфен стал жертвой подвижных отрядов, которые сегодня были бы названы «егерями». Против них лучники действовали успешнее, чем гоплиты (ср. *Thuc.* III.98). Знаменитый спор о сравнительных достоинствах лучника и гоплита в «Геракле» Еврипида (424 г.) был спором о ценности охоты для военного дела⁵². Для самого Ксенофонта экспедиция, о которой он рассказывает в «Анабасисе», была войной скорее егерской, чем гоплитской. Теперь требовалось, чтобы Ксенофонт дал теоретическое обобщение этого опыта, что он весьма подробно и сделал. Был ли он здесь первым? Введем в обсуждение один мало известный и мало изученный текст⁵³. Он принадлежит Теофрасту и, следовательно, датируется более поздним временем, чем сочинения Ксенофонта, однако в нем приводится высказывание Гагнона, бывшего стратегом в Афинах до и после Пелопоннесской войны⁵⁴. Как Платон до него

⁴⁸ Vernant, Vidal-Naquet. *Mythe et tragédie*. V. I. P. 135—153.

⁴⁹ Anderson. *Op. cit.* P. 53.

⁵⁰ См. Schnapp A. *Représentation du territoire de guerre et du territoire de chasse dans l'oeuvre de Xénophon // Problèmes de la terre en Grèce ancienne / Ed. M. I. Finley. Paris — La Haye, 1973. P. 307—321.*

⁵¹ «Le Chasseur noir». P. 961.

⁵² Eur. *Her.* 151—205; Goossens R. *Euripide et Athènes*. Bruxelles, 1960. P. 348—354, где комментируются эти строки. Я принимаю датировку автора, но он не понял места охоты в этой проблеме.

⁵³ Благодарю Д. Левиса, обратившего мое внимание на важность этого фрагмента для обсуждаемой темы.

⁵⁴ Сначала во время экспедиции на Самос в 440 г. до н.э.: *Thuc.* I. 117.2.

(Legg. XII.951d — 952b, 961ab, 946e), Феофраст утверждает⁵⁵, что полезно, когда юноши тесно общаются с опытными мужами, и передает касающийся стратегов совет Гагнона, в котором тот использует пример из сферы охоты: «любители охоты всегда включают [в свору] щенков»⁵⁶.

Но вернемся к Дж. Андерсону. Было бы преувеличением сказать, что он никак не комментирует сообщение Ксенофонта об охоте на кабана. Таким комментарием служит дословная цитата из описания «вазы Франсуа» (ок. 560 г. до н. э.), знаменитого аттического кратера из Археологического музея Флоренции, сделанного оксфордским знатоком керамики сэром Джоном Бизли⁵⁷. Дж. Андерсон цитирует его так, словно слова Бизли и изображение Калидонской охоты одинаково прозрачны, словно замечания Ксенофонта могут быть представлены параллельно истории Мелеагра и Аталанты⁵⁸ и словно сам Бизли на той странице, которую цитирует Андерсон, не ссылается на данные, не имеющие ничего общего с техникой охоты на вепря, но тесно связанные с проблемами, изучаемыми в «Черном Охотнике», в особенности с возрастными классами: «Пелей безбород, поскольку предполагалось, что это событие произошло, когда он был еще очень молод, до его женитьбы». Естественно, Андерсон прекрасно сознает, что невозможно удовлетвориться тем, чтобы просто добавить Бизли к Ксенофону, но ведет себя так, как будто этого не знает.

Добавлю еще несколько слов. Конечно, история охотничьей техники и практики — это одно, а история гражданских ценностей и идеологии, посредством которой происходило самоутверждение полисов, — другое. Но как можно понять, например, то, что во время Пелопоннесской войны *ἀπάτη* появляется в речах, вложенных в уста Перикла, и в рассказе Фукидида как характерная черта спартанцев и их полуостровных союзников, если не знать всегданнее их стремление быть воплощением идеала гошлита⁵⁹?

Если верно, что в научной литературе существуют те дурные привычки, которые я критиковал, избрав временной символической мишенью книгу Андерсона, столь же верно и то, что существуют и противоположные, симметричные недостатки, в особенности у французских ученых. Некоторые авторы имеют обыкновение, в значительной степени под влиянием плохо усвоенных работ Ролана Барта, считать эквивалентными факторы языка и факторы общества, что может привести лишь к абсурдным выводам. Почему необходимо делать различие между миром Одис-

⁵⁵ Я говорю о Fragmentum Vaticanum de Eligendis Magistratibus, который был опубликован в 1943 г. В. Али. Его принадлежность Феофрасту по меньшей мере очень вероятна; см. *Szegedy-Maszak A. The Nomoi of Theophrastus. N.Y., 1981. P. 91—115.* Текст, на который я ссылаюсь, — fr. B. 120. P. 97, перевод — P. 100.

⁵⁶ Ἀγῶν ποτε συνεβόλευεν Ἀθηναίοις ἐπεὶ τῶν στρατηγῶν παραδείγματι χρῆσασμενος τῷ περὶ τὰ κυνηγῆσια· καὶ γὰρ ἐκεῖ σκύλακας ἐφῆ παρεμβαλεῖν αἰεὶ τοὺς φιλοκυνήγους. Сравнение между юношей и молодым псом см. *Plato. Resp. III. 375a*; о собаке как реальности и метафоре см. *Mainoldi C. L'image du loup et du chien dans la Grèce ancienne d'Homère a Platon. Strassbourg — Paris, 1984.*

⁵⁷ *Beazley J. D. The Development of Attic Black-figure. Berkley — Los Angeles, 1951. P. 32—33.* Процитировано: *Anderson. Op. cit. P. 53.*

⁵⁸ Согласно Ксенофону, мужем Аталанты был не Мелеагр, а Меланий (Сунег. I. 7).

⁵⁹ См. замечания: *Cartledge. Op. cit. P. 11—27*, особенно 44; *Heza E. Ruse de guerre, trait caractéristique d'une tactique nouvelle dans l'oeuvre de Thucydide // Eos. 1984. 62*; ср. *Said S., Tredé M. Art de la guerre et expérience chez Thucydide // Class. et Med. 1985. 36. P. 65—85.* Главные упоминания у Фукидида: II.39; III. 30—2; V. 8. О засадах и военных хитростях в общем см. *Pritchett W. K. The Greek state at war. V. II. Berkeley — Los Angeles, 1974. P. 156—189*; v. III. 1979. P. 330 и, естественно: *Detienne M., Vernant J.-P. Les Ruses de l'intelligence, la Mètis des Grecs. P., 1978².*

сея и Квинта Смирнского или Иоанна Цецца? Я сам, как говорится, историк воображаемого, а это означает, что в принципе я считаю воображаемое разновидностью реального, но сразу добавлю, перефразируя знаменитые слова Орвелла, что некоторые уровни реальности более реальны, чем другие. Я охотно вслед за С. Голдхиллом допускаю, что в Афинах существовал «мир слов» (*Cité des mots*)⁶⁰, и я уже ссылался на «мир изображений» (*Cité des images*). Однако обнаружить в мире изображений очертания реальной политики нелегко, если вообще ни невозможно. Фриз Парфенона изображает собрание богов, а не людей, а на коринфских или аттических вазах лишь изредка изображается фаланга гоплитов, но никогда — народное собрание или совет. В то же время «мир изображений», отделенный от мира политики, полностью потерял бы возможность быть понятным⁶¹.

Позволю себе привести пример удачного, на мой взгляд, использования этого метода. Ф. Артог убедительно показал, что скифы в IV книге Геродота должны расцениваться как хитрые эфебы, а точнее — как эфебы-охотники и кочевники⁶². Таким образом, у Геродота греческая эфебия, институт, который мы видели сначала в гомеровском мире, становится семантической категорией, или, в терминах К. Леви-Стросса, «символическим оператором»⁶³. Артог напоминает нам также знаменитое отождествление скифов с эфебами у элейцев, о котором сообщает «Лексикон» Фотия⁶⁴. Аттические вазы предоставляют некоторое подтверждение изложенного, однако более хрупкое, чем то, на котором я основывал свое рассуждение о черных хламидах. Скифские лучники, охотники и эфебы, как показал Ф. Лиссарраг, взаимозаменяемы в изображениях на них, причем все они противопоставляются гоплитам⁶⁵. Парис-Александр в вазописи эквивалентен одному из этих скифских стрелков⁶⁶. Но если эфебия становится семантической категорией, то это, разумеется, происходит потому (что известно Ф. Артогу и Ф. Лиссаррагу), что она всегда была и всегда ощущалась именно греческим институтом⁶⁷.

Я отвлекся от изучаемого института, уйдя в разбор того, как он ощущался или угадывался в гомеровских текстах. Был ли он общегреческим институтом? Это предположение возможно, однако его, видимо, невозможно доказать. Вполне вероятно, что разные типы полисов, развиваясь, породили очень разные формы и функции рассматриваемого института.

В Афинах государственная эфебия, включавшая юношей от 18 до 20 лет, стала отличаться от эфебии во фратриях, куда входили 16—18-лет-

⁶⁰ Goldhill S. Reading Greek Tragedy. Cambr., 1986. P. 57 f.

⁶¹ Дискуссия по этой проблеме была вновь поднята в статье: Loroux N. Repoliti- ser la cité // L'Homme. 1986. 97—98. P. 239—255; ср. Schnapp A. La cité sans images? // Bulletin des amis de la Bibliothèque Salomon Reinach. 1978.

⁶² Hartog F. Le Miroir d'Herodote. Essai sur la représentation de l'autre. P., 1980. P. 69—79.

⁶³ Ср. удачное использование этого метода для анализа античности: Borgeaud Ph. L'animal comme opérateur symbolique // L'animal, l'homme, le Dieu dans le Proche-Orient ancien (Cahiers de CEPOA). Genève, 1986. P. 13—19.

⁶⁴ S. v. *συνέφεβος*.

⁶⁵ Lissarague F. Archers, peltastes et cavaliers. Aspects de l'iconographie attique du guerrier. Thèse du 3e cycle, EHESS. P., 1983.

⁶⁶ О скифах см. еще: Brown F. S., Blake Tyrrell W. M. *Ἐπιλωσαντο*. A reading of Herodotus' Amazons // CJ. 1985. 80. P. 297—302; Blake Tyrrell W. M. Amazons. A study in Athenian mythmaking. Baltimore — London, 1984.

⁶⁷ Именно поэтому «Storie di scaccia» проанализированные Е. Пеллицером (Pellizzer E. Favole d'identità; favole di paura. Roma, 1982) кажутся мне, несмотря на интересные параллели, особенно на с. 40—46, зависящими от совершенно других явлений.

ние ⁶⁸. В знаменитой 42-й главе «Афинской политики» Аристотеля, которая касается гражданства, эфебы описываются как категория граждан ⁶⁹. В то время, т. е. в годы, последовавшие за принятием в 335/334 г. подержанного Ликургом ⁷⁰ «Закона об эфебах» Эпикрата, эфебия была двухгодичной военной службой, обязательной для всех молодых граждан. Эту службу они несли в основном в крепостях на границах, и ничто в ней не напоминало об инициационных обрядах, кроме ограничений, о которых Аристотель говорит следующее: «они несут гарнизонную службу в течение двух лет, и в это время одеваются в хламиды и освобождаются от всех повинностей. Чтобы не было предлога отлучаться, они не выступают перед судом ни как ответчики, ни как истцы, за исключением дел о наследстве или единственной наследнице-родственнице, или если кому-нибудь в его роде придется выполнять жреческие обязанности. По истечении же двух лет они становятся как остальные» (Ath. Pol. XLII.5).

Мы можем усмотреть в этом тексте пережиток обряда изоляции иницируемых, хотя во времена Ликурга и Аристотеля такого обряда уже не было. И однако, как я уже отмечал ⁷¹, допущение в состав граждан путем записывания в дем отца предшествует военной службе, а не является ее следствием ⁷². Разумеется, такая ситуация — результат долгой эволюции. Мы знаем, что эфебия существовала до Ликурга ⁷³, благодаря Ф. Готье мы знаем также, что в то время, когда Ксенофонт писал свои «Доходы» (ок. 335 г. до н. э.), ее проходили не все молодые граждане ⁷⁴. Мы знаем, наконец, что Эсхин «по выходе из детского возраста» был *περίπολος*, т. е. эфебом (ок. 371 г. до н. э.) ⁷⁵, это не означает, конечно, что система призыва по возрастным классам существовала с этого времени ⁷⁶. Однако все эти данные не позволяют нам утверждать с полной уверенностью, что данный институт существовал (в какой форме?), скажем, уже во времена Перикла ⁷⁷.

⁶⁸ Я упоминал об этом в «Черном Охотнике» (с. 949), опираясь в основном на исследование: *Labarbe J. L'âge correspondant au sacrifice du κορβαίου et les données historiques de sixième discours d'Isée // BARBCZ. 1953. P. 358—394. См. также: Pélékidis Ch. Histoire de l'éphébie attique. P., 1962. P. 51—60.*

⁶⁹ См. недавний комментарий: *Rhodes P. J. A commentary on the Aristotelian Athenion Politeia. Cambr., 1981. P. 493—495*, однако автор не обсуждает всерьез проблему происхождения эфебии.

⁷⁰ См.: *Нарпократорн. S. v. Επικράτης = Lycurg. Fr. 20 Blass (25 Sauppe).*

⁷¹ *Le Chasseur noir. P. 194.*

⁷² Это не было общим правилом в греческом мире даже в эллинистическую эпоху. Павсаний утверждает (VII. 27.5), что противоположное правило действовало в Пеллани в Ахайе. Эта противоположность отмечена в работе: *Haussoullier B. Traité entre Delphes et Pellana. P., 1917. P. 110.*

⁷³ См. *Reinmuth. Op. cit. P. 123—138*. Правда, дата самой ранней эфебовской надписи остается спорной: *Le Chasseur noir. P. 151. Not. 1; Ф. Готье (Op. cit. Not. 1) присоединяется к «верхней» дате — 334/333 гг. до н. э. вместе 361/360.*

⁷⁴ См. убедительное доказательство: *Gauthier Ph. Un commentaire historique des Poroï de Xénophon. Genève — Paris, 1976. P. 190—195.*

⁷⁵ De Leg. 167. Важность этого свидетельства была подчеркнута Л. Робером в его публикации «Клятвы эфебов» (*Etudes épigraphiques et philologiques. P., 1938. P. 306. Not. 3).*

⁷⁶ Данный вопрос дьявольски запутан, в особенности различными интерпретаторами этого текста Эсхина; из недавних работ см.: *Andrewes A. The Hoplite Katalogos // Mélanges M. McGregor. Locust Valley. N. Y., 1981. P. 1—3.*

⁷⁷ Прямое и несомненное упоминание клятвы эфебов имеется в речи Алквивида у Плутарха (Alcib. 15. 7—8), однако оно также может быть отнесено к его собственному времени или времени его эллинистических источников. Возможные намеки в «Филоктете» Софокла были обнаружены мной (*Vernant, Vidal-Naquet. Mythe et Tragédie. V. I. P. 173 suiv.*) и в работе: *Østerud S. The concept of society in Sophocles.*

Чтобы продвинуться в решении данной проблемы, следует, по-моему, воспользоваться другим методом: сопоставлениями внутри всего греческого мира, а не только Афин, Спарты и Крита, как я делал в 1968 г. Некоторые ученые, кажется, по-прежнему считают, что после «гоплитской реформы» фаланга непосредственно сменила так называемый «гомеровский поединок»⁷⁸. В другом месте я попытался показать, что гомеровский поединок с исторической точки зрения является фикцией⁷⁹. Вне всякого сомнения, безличная фаланга — это, в свою очередь, такая же фикция. В действительности большинство греческих полисов воспитывали элитарные подразделения из трехсот или тысячи воинов, иногда носящие архаичные названия: «всадники» (ἵππεις) — в Спарте, «возницы» (ἠνίοχοι) и «колесничие» (πράξαι) — в Фивах⁸⁰.

Такие подразделения существовали в Спарте и Афинах, на Крите и в Аргосе, в Мегарах и Элиде, у фокейцев⁸¹ и в Сиракузах. Речь не идет в данном случае об окаменевшем институте, переходившем из века в век без изменений. Ксенофонт описывает всадников как юношей, набравшихся в количестве 300 человек тремя гиппагретами (Lac. pol. IV.3.), но в сражении при Фермопилах Леонида сопровождали триста воинов, набранных не только из числа всадников. В его отряде, кроме обычного подразделения из трехсот человек, было некоторое количество отцов семейств: ἐπιλεξιμένοις ἄνδρας τε τῶν κατὰστρώτων τριηκοσίων καὶ τοῖσι ἐτόρχανον παῖδες ἕοντες (Herod. VII.205)⁸². В Афинах институт трехсот отборных воинов (λογάδες) существовал во времена битвы при Платеях (479 г. до н. э.) (Herod. IX.21). Пережил ли он «радикальную» демократию? Во всяком случае, мы вновь обнаруживаем подразделение из трехсот логатов во время осады Сиракуз⁸⁴. Идет ли речь в данном случае о том же подразделении, обновлявшемся, как «бессмертные» персов, из поколения в поколение? Я склонен скорее думать, что это был отборный отряд, набранный во время боевых действий. Действительно, эти триста воинов принадлежали другой элите — из легковооруженных воинов (φίλοι)⁸⁵, что вряд ли было возможно в начале V в. до н. э.⁸⁶

Существовала ли связь между эфебами или их эквивалентом и этими отборными отрядами? Это кажется вероятным для некоторых полисов Крита. Согласно знаменитому фрагменту Эфора⁸⁷, после того как мальчик,

Four interpretations. Bergen, 1976. P. 218. Наконец, см. небольшую подборку материала: Stewert P. Ephebic oath in Fifth century Athens // JHS. 1977. 97. P. 102—111. Все это достаточно правдоподобно, однако несомненное подтверждение отсутствует.
⁷⁸ См. Heza. Op. cit. P. 228: «В полисе не было обладателей личной славы — ни „военного класса“, ни героев. Существовала только община, члены которой носили оружие и, отказавшись от всяких индивидуальных подвигов, действовали в бою только коллективно».

⁷⁹ Vidal-Naquet P. L'Iliade sans travesti. Préface // Iliade. Traduction P. Mazon. Collection Folio. P., 1975. P. 22—27.

⁸⁰ См. в общем со ссылками на основные, если не все источники: Detienne M. La phalange. Problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / Ed. J.-P. Vernant. Paris — La Haye, 1968. P. 119—142; Hoffmann H. Les choisis: un ordre dans la cité grecque? // Droit et culture. 1985. 9—10. P. 15—26.

⁸¹ О фокейцах см. Paus. X. 1.5. Указанием на это место я обязан П. Эллингеру.

⁸² Ср. Loraux. Op. cit. P. 117.

⁸⁴ Thuc. VI. 100.1. Я обязан этой ссылкой А. Эндрюсу.

⁸⁵ Καὶ τῶν φίλων τινὰς ἐκλεκτοὺς ὀπλισμένους — Thuc. VI. 100.1.

⁸⁶ В Сиракузах против афинян сражался отряд из 600, а не из 300 логатов. Половина их погибла, что было обычным для такого рода отрядов отборных воинов.

⁸⁷ FGrH. 70 F 149 (Strabo. X. 4.21). Этот фрагмент был подробнейшим образом прокомментирован недавно в работе: Sergent. Op. cit. P. 15—53. С точки зрения того,

похищенный своим любовником и проживший с ним некоторое время вдали от города, охотясь и кочуя, возвращался в город, он становился членом отряда, состоявшего из κλεινοί, «выдающихся». Нам известно, что аргосское подразделение из 1000 логатов (о которых Фукидид говорит, что они обучались на государственные счет δημόσιαι), в качестве профессиональных воинов набиралось из νεώτεροι. Эти юноши «были одновременно самыми сильными и самыми богатыми», что не мешало государству, как сообщает Диодор, «освобождать их от всех других общественных обязанностей и обучать полностью на свой счет... поэтому они, как из-за того, что тратится на них, так и из-за постоянных упражнений, быстро становятся отрядом атлетов, натренированных для военных действий»⁸⁸. Для Спарты, вероятно, можно принять предположение А. Жанмера, доказавшего, что чрезвычайно элитарное подразделение криптов, когда его члены становились взрослыми, принимало название ιππεῖς⁸⁹. Однако ни в Аргосе, ни в Элиде, ни в Мегарах, мы не находим ничего похожего на спартанские криптои⁹⁰.

Наконец, если считать достоверным то, что говорит Плутарх о фиванском «священном отряде», состоявшем из гомосексуальных любовников, придется тем самым допустить, что в Фивах эфебы (как бы они там ни назывались) включались в число 300 вместе со старшими. Впрочем, мы знаем также, что этот институт реформировался по крайней мере дважды в течение IV в. до н. э. — сначала Горгидом, а потом — Пелопидом или Эламинондом⁹¹.

В других местах разделение между эфебами и отборными воинами, логатами, исчезает. У Гесихия⁹² есть указание, ясно показывающее, что «триста» — это не что иное, как «эфебы и их организация». Таков был, вне всякого сомнения, обычай в Кирене. В этом городе официальные документы начиная с конца IV в. до н. э. разделяют тех, кто достиг и кто не достиг зрелости, ἡβη⁹³. Здесь существовал отряд «трехсот», τριακῆται, который состоял просто из воинов самого младшего призыва. Их начальники, τριακῆτάρχαι, иногда причисляемые к начальникам пельтастов, в императорскую эпоху принимают более общее название эфебархов. Так же как афинские эфебы в системе, описанной Аристотелем, члены этого подразделения находятся по эту сторону ἡβη, т. е. являются уже воинами. Однако, вероятно, они не включали в себя весь возрастной класс; даже название «триста» является фикцией, наследием древней традиции⁹⁴.

что нас здесь интересует, см. особенно: *Jeanmaire. Couroi et Courètes. P. 450—455; Briquel D. Initiations grecques et idéologie indo-européenne // Annales ESC. 1982. 37. P. 454—469.*

⁸⁸ *Thuc. V. 67. 2; Diod. XII. 75.* Это подразделение из 1000 логатов, очевидно, сменило в Аргосе древний отряд из 300 воинов, бой которого с его спартанским аналогом описывает Геродот (1.82; ср. *Paus. II. 38. 4—5*). Павсаний говорит об аргосских логатах также в IX. 36.2, однако не называет их численности.

⁸⁹ *Jeanmaire. Couroi et Courètes. P. 540—552; ср. Xen. Lac. pol. IV.3: ιππεῖς набираются из ἡβωντες.*

⁹⁰ Об Элиде см. *Thuc. II. 25.3*; о Мегарах: *Thuc. V. 60.3.*

⁹¹ *Plut. Pelop. 14.18—19.* Основные источники, кроме Плутарха: *Diod. XII. 70; Polyæn. Strat. II. 51; Athen. XIII. 602a* (цитата из Иеронима перипатетика).

⁹² *S. v. Τριακῆται: οἱ ἡβῆροι καὶ τὸ σὺστη αὐτῶν.*

⁹³ Об этом разделении см. *SEG. IX. 72. 34—40.*

⁹⁴ Основные свидетельства источников приведены и проанализированы в работе: *Luni M. Documenti per la storia della istituzione ginnasiale e dell'attività atletica in Cirenaica, in rapporto a quelle della Grecia // Quaderni di archeologia della Libia. 1976. 8. P. 223—284, особенно 236—255; о командирах: SEG. IX. 55 (Schwyzer. 234). 14.51; IX. 51; XX. 742. 5. 6 (τριακῆτάρχαι принимают название ἐφῆβαρχοί) Ев-*

Таким образом, Афины, Спарта, Фивы, полисы Пелопоннеса и Кирена предоставляют нам очень разные пути эволюции. Действительно, афинский эфеб IV в. до н. э. — это лишь очень дальний родственник спартанского крипта. По правде говоря, в классических Афинах единственной группой молодежи, которую можно было бы сопоставить со спартанскими криптами и всадниками, были не юноши, а девушки. Я говорю о тех маленьких «медведицах» Бравроний, о которых нам дают некоторые сведения знаменитые стихи «Лисистраты» (ст. 664—670). Они были, разумеется, немногочисленны, однако это не мешало им представлять афинских девушек. Некоторые сведения об этих «медведицах», правда не без некоторых трудностей, можно найти в материалах раскопок Браврона⁹⁵. В Афинах трансформация древней системы возрастных классов, которую применительно к Спарте изучили А. Жанмер и А. Брелич, была весьма радикальной, и рассказ Аристотеля точно отражает настоящее, а не прошлое. Между спартанским криптом и афинским эфебом в конечном счете была та же разница, что и между *βουλή* и *γερουσία*, между *ἐκκλησία* и *ἀπέλλα*, что, впрочем, вовсе не удивительно.

Существует еще один греческий, или, лучше сказать, афинский институт, который мне необходимо здесь рассмотреть, — театр.

Поскольку трагический поэт смотрит на древность (т. е. в первую очередь на мир эпоса) глазами гражданина, встреча Черного Охотника с трагедией была неизбежна и необходима. Древние мифы наполнены рассказами, ядром которых является обряд инициации, рассказами, в которых герой растет среди дикой природы или в изгнании и воспитывается животными, кентавром или просто чужеземцем, а став взрослым, приходит требовать отцовское наследство. Многие из этих героев стали персонажами трагедий, такие, как Орест, Ясон, Парис-Александр, о котором я уже говорил, и другие⁹⁶. Тот же Эдип может рассматриваться как эфеб, не понимающий, что его подвиг-испытание ведет к катастрофе. В примечании к «Черному Охотнику»⁹⁷ я заявил, что собираюсь изучить «Филоктета» Софокла. Что касается этого обещания, я его сдержал⁹⁸, но в конце концов оказалось, что в этом рассказе гораздо интереснее не взятый отдельно образ Неоптолема, а пара, состоящая из изгнанника Филоктета (раненого старца, живущего среди дикой природы и владеющего только луком) и юного воина Неоптолема (эфеба, который совершает подвиг, позволяющий ему перейти в мир взрослых с помощью хитрости). Оба становятся в конце трагедии воинами-гражданами под стенами Трои. Этот пример по-прежнему кажется мне хорошим, в то время как существуют, конечно, лучшие — например, «Ион» Еврипида, в котором показан мальчик, в начале пьесы сражающийся с птицами, а в конце становящийся афинским

стафий (ad I. LVIII. 518) замечает, что в Кирене эфебы назывались «тремястами», что связывает его замечание с сообщением Гесихия, цитированным в прим. 92. Я обязан знанием этих документов К. Добья-Лалу (С. Dobias-Lalou), диссертация которой будет содержать глубокий анализ частично неизданного материала.

⁹⁵ См. *Le Chasseur noir*. P. 197—199, где можно найти отсылку к работам Л. Каил (L. Cahil), а также недавнюю работу: *Osborne R. Demos. The discovery of classical Attika*. Camb., 1985. P. 154—172. Для тех, кто посещал музей Браврона, то обстоятельство, что они видят там статуи мальчиков рядом со статуями девочек, толкуемыми как изображения «медведиц», составляет, однако же, определенную трудность.

⁹⁶ Внушительный список их можно найти в работе: *Winkler J. J. The erhebe's song; tragöidía and polis // Représentation*. 1985. II. P. 27—62, особенно 32—35.

⁹⁷ P. 96d. Not. 1.

⁹⁸ *Vidal-Naquet P. Le Philoctète de Sophocle et l'éphébie // Annales ESC*. 1971. 26. Перепечатано: *Vernant, Vidal-Naquet. Mythe et tragédie*. V. I. P. 161—184.

гражданином и предком-эпонимом ионийцев⁹⁹. Еще лучше «Вакханки», где Пентей — царь-гоплит — первым делом пытается использовать го-литские методы для изгнания нового бога Диониса, а затем — переоде-вается в женщину (как бы регрессируя до статуса эфеба) и отправляется в горы шпионить за женщинами, против которых не мог применить ору-жие. Он действует как настоящий Черный Охотник, но сам становится объектом охоты и гибнет¹⁰⁰.

Мое исследование «Филоктета» вызвало решительные возражения в форме как резкой, так и любезной¹⁰¹. Не отвечая здесь подробно на эти возражения, я сделаю три замечания относительно них, одно специальное, два других — более общие. Р. Виннингтон-Инграм охотно допускает, что «афинская аудитория вполне могла смотреть на Неоптолема в свете эфебии», но у него есть возражение, которое он считает решающим. «Не-оптолем, — пишет он, — не действует на самом деле в окружении дикой природы» (does not in fact operate within the wild environment). Так ру-шится (falls to the ground) моя гипотеза, и английский ученый величест-венно добавляет: «Это изыщная модель, которая могла бы лечь в основу какой-нибудь пьесы, но она не соответствует именно этой»¹⁰². Вот прекрас-ный пример полного непонимания. Можно отрицать, что Неоптолем явля-ется эфебом в техническом смысле слова, но как можно отрицать, что он действует как раз на окраинах (ἐσχατιαί, 144), на необитаемом острове (οὐκ οἰχομένη, 221), что совершенно не предписывается мифом?

Мое второе замечание опирается на одно замечательное совпадение. Благодаря М. Чьяни¹⁰³ я узнал о существовании фантастического романа Р. Силверберга «Человек в Лабиринте»¹⁰⁴, опубликованного в 1969 г. (т. е. не под влиянием моей гипотезы, которая в то время была высказана лишь в одном постраничном примечании). Действие этого романа проис-ходит на планете под названием Лемнос. На ней находится одинокий че-ловек, обладающий очень важным для людей даром. На его поиски от-правляются зрелый политик и молодой честный воин (сын погибшего ге-роя), для которого этот поход — первое военное предприятие. Разуме-ется, нет никакого сомнения, что это произведение вдохновлено трагедией Софокла. То, что Р. Силверберг истолковал трагедию так же, как я, не является доказательством правильности моей интерпретации, однако по-казывает по крайней мере, что она не просто отвечает моей личной фанта-зии и моей склонности находить повсюду «черных охотников».

Но вот что, пожалуй, самое удивительное: ни мои критики (что, впро-чем, вполне естественно), ни я сам (что вовсе не так естественно) не обра-щали внимание на миф о Неоптоleme вне трагедии Софокла¹⁰⁵. В то же время я давно должен был заметить, что имя героя «Неоптолем» означает

⁹⁹ Я излагаю вкратце гипотезу Я. Андреадиса, который обещал ее развить. Ис-следование М.-Е. Жиро о роли птиц в этой пьесе находится в печати в «Revue de Phi- lologie».

¹⁰⁰ Segal Ch. Dionysia poetics and Euripids Bacchae. Princeton, 1982. P. 189—201.

¹⁰¹ См. Di Benedetto. Op. cit. P. 115—136; Winnington-Ingram R. P. Sophoclea // BICS. 1979. 16. P. 1—12. Подробно я отвечу на эту критику в другом месте. Мою ги-потезу, напротив, развивал и защищал С. Остеруд (Op. cit. P. 211—268). Эта глава озаглавлена: «Neoptolemus: from ephebus to hoplite».

¹⁰² Winnington-Ingram. Op. cit. P. 40—41.

¹⁰³ Ciani M. G. Filottete delle galassie // Sigma. 1981. 7. P. 15—25.

¹⁰⁴ Silverberg R. The Man in the Maze; французский перевод: L'Homme dans le labyrinthe / Trad. M. Rivelain. P., 1970.

¹⁰⁵ М. Детьен обращал на это мое внимание в 1969 г., и я был неправ, что совер-шенно не принял в расчет его предупреждение.

по наиболее распространенной этимологии «новая война»¹⁰⁶, имя, наиболее подходящее для эфеба, нового воина. И это еще не все — ведь у него двойное имя: Неоптолем является также Пирром, как Парис — Александром¹⁰⁷. Согласно традиции, на которую, очевидно, делает аллюзии Еврипид, Пирр был изобретателем «пиррихи»¹⁰⁸. Это изобретение было им сделано после того, как он, очевидно, впервые убил в битве врага. Его жертвой был Еврипил, сын Телефа¹⁰⁹. Пирриха — это исполняемый вооруженными детьми (ἔνοπλοι παῖδες) военный танец, который легко (с каким угодно количеством доказательств) может быть истолкован в качестве изображения перехода от детства ко взрослости. Именно так его понимал Платон¹¹⁰ и именно так его интерпретируют современные комментаторы¹¹¹. Пирриха может быть определена в качестве эквивалента клятвы эфебов в сфере танца. Что касается Неоптолема, то он, как Парис-Александр или Дориан Грей, является символом вечной молодости. Разве не был Неоптолем юношей в момент своей смерти¹¹²? Мне кажется, что этих данных должно быть достаточно, чтобы сделать приемлемой идею о связи между системой возрастных классов и, по крайней мере, некоторыми трагедиями.

Можно ли пойти еще дальше и сделать данное утверждение еще радикальнее? В замечательном исследовании, опубликованном в 1970 г.¹¹³, Ж.-П. Морель прокомментировал знаменитый экскурс VII книги «Римской истории» Тита Ливия¹¹⁴ о происхождении театра в Риме. Он показал, что в раннее время *Iuventus*, которая не была классом эфебов, а скорее всей совокупностью воинских возрастных классов, сыграла решающую роль в возникновении театра, по меньшей мере согласно тексту Тита Ливия, хотя и не создала трагедию. Морель, согласно Титу Ливию, предполагает, что *iuventus* способствовала возникновению ателланы и некой разновидности пародического театра, включающего сатиру. Параллели

¹⁰⁶ Я благодарен М. Казевицу, который обратил мое внимание на это обстоятельство. Другая этимология, заимствованная у Павсания (X.26.4), была предложена в работе: *Sulzberger M. "Όνομα ἐπιθυμῶν. Les noms propres chez Homère et dans la mythologie grecque // REG. 1926. 37. P. 381—447, особенно 389—390. Павсаний писал: «Имя „Неоптолем“ было дано ему Фениксом, потому, что Ахилл как раз начал воевать в то время, когда он был еще очень юн». Это говорит о том, что связь Неоптолема с эфебией ощущалась уже в античности. Этим указанием я обязан Ж. Свенбро.*

¹⁰⁷ Имя Пирр, как пишет Павсаний (X.26.4), было дано Неоптолему дедом по матери, Ликомедом. Об этом двойном имени ср. замечания П. Левека: *Lévêque P. Pythos. P., 1957. P. 87 suiv.* В этой книге можно найти также множество данных о дальнейшей судьбе сына Ахилла.

¹⁰⁸ *Androm. 1135; ср. Pouilloux J., Roux G. Enigmes a Delphes. P., 1963. P. 117. Прямые указания см. Schol. Pind. Pyth. II. 127; Hesych. S. v. πύρριχα, πύρριχας. πύρριχιστή; Diomed. Ars gramm. III§ (Grammatici latini. I. 475); Luc. De Saltat. IX.*

¹⁰⁹ Об этом персонаже см. *Paus. III. 26.9; Hygin. Fab. 112; Strabo. XIII. 584.*

¹¹⁰ *Legg. VII. 796b; ср. указание Аристоксена (Athen. XIV. 631c): «Древние исполняли танец обнаженных γυμνοπαίδων и, прежде чем войти в театр, переходили к пиррихе».*

¹¹¹ О пиррихе см. *Poursat J. C. Les représentations de danse armée dans la céramique attique // BCH. 1968. 92. P. 550—615 и особенно Scarpi P. La pyrrhikè ò le armi della persuasion / Dialoghi di archeologia. N. s. 1. 1979. P. 78—97.*

¹¹² Он был *υαρίας* в момент смерти, согласно Еврипиду (*Androm. 1104*).

¹¹³ *Morel J.-P. La Juventus et les Origines du théâtre romain // REL. 1969/1970. 47. P. 208—252; см. также другие работы Ж.-П. Мореля в Le Chasseur noir. P. 437—438.*

¹¹⁴ Имеется недавний комментарий, выдержанный в совершенно ином духе: *Du-pont F. L'Acteur-roi ou le théâtre dans la Rome antique. P., 1985. P. 136—140.*

такой реконструкции многочисленны в разных обществах¹¹⁵. Позже Ж. Винклер посчитал, что можно пойти гораздо дальше и поэтому назвал свою статью: «Песня эфэбов: трагедия и полис»¹¹⁶. Хотя эта статья содержит множество интересных наблюдений, я не считаю возможным принять общую идею, которая там развивается. Однако поскольку в этой статье объявляется о преемственности с «Черным Охотником», я чувствую себя обязанным высказать некоторые сомнения в законности этого рода¹¹⁷.

Ж. Винклер стремится доказать две главные гипотезы. Первая касается значения слова *τραγῳδός*. Его объясняют чаще всего как «козлиный певец», а трагедию как «козлиную песнь». И то, и другое, бесспорно, маловразумительно. Ж. Винклер предлагает другое решение: слово *τραγῳδία*, особенно у Аристотеля¹¹⁸, означает ломку голоса, которая обычно происходит у подростков. *Τραγῳδοί*, трагические певцы в таком случае должны означать не реальных подростков с ломающимися голосами (никто не может петь в это время), а подростков, обозначенных так метафорически по данному периоду их жизни. Таким образом, трагический хор будет «блеющим» (разумеется, метафорически), откуда и обращение к козлу (*τράχος*), голос которого кажется постоянно ломающимся¹¹⁹. Самое малое, что можно сказать по этому поводу — это то, что речь идет в данном случае об утверждении, ложность которого (в том смысле, в котором К. Поппер употребляет глагол *to falsify*) невозможно показать, и оно ускользает тем самым от возможности верификации.

Другой вопрос еще более важен. Винклер утверждает, что он может доказать, будто трагический хор действительно состоял из эфэбов. На этот счет нет никаких текстов, которые можно было бы привлечь. Источник, используемый Винклером в качестве главного доказательства, — так называемая ваза Пронома¹²⁰, знаменитый аттический кратер с волютами конца V в. до н. э., роспись которого обычно толкуется как изображение сатировой драмы¹²¹. Этот источник, столь же важный в аттической вазописии для изображений театра, как ольпа Чиджи в коринфской — для изображений различных форм боя¹²². Р. Сиффорд отмечает, что художник «вероятно, имел в виду вполне определенную сатирическую драму, поскольку большинство сатиров имеют обозначенные надписями имена, принадлежащие обычной афинской ономастике»¹²³. На этой вазе играющие опре-

¹¹⁵ Ж.-П. Морель опирается в основном на книгу: *Eberle O. Canalaria, Leben, Glaube, Tanz und Theater der Urvölker. Olten, 1955*, которая существует и в итальянском переводе (Milan, 1966).

¹¹⁶ См. прим. 96.

¹¹⁷ Я посвятил этой статье несколько занятий моего семинара и, настаивая на своих сомнениях и оговорках, все же могу гордиться тем, что отчасти вдохновил столь смелую попытку.

¹¹⁸ *Hist. An. VII. 581a. 18—25; Gen. An. V. 787b. 30—788a. 5*. В указанном месте «Истории животных» Аристотель как раз противопоставляет *τραγῳδία* — «блеять» и хоровое пение.

¹¹⁹ Я здесь пересказываю близко к тексту то, что пишет Ж. Винклер (*Op. cit. P. 47 f.*).

¹²⁰ Хранится в Неаполитанском музее: *Beazley. ARV². 1136*; очень часто воспроизводится, например: *Pickar-Cambridge A. The dramatic festivals of Athens. Oxf., 1968². Fig. 49; Seaford R. Euripides: Cyclops. Oxf., 1984. Fig. III; Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Grèce classique. P., 1969. P. 274 suiv.*

¹²¹ Д. Левис, однако, сообщил мне, что он считает ее изображающей хор дифирамба.

¹²² Я основываюсь здесь на исследовании Ф. Лиссарага, которое вскоре должно появиться в «Трудах» конференции, организованной в 1986 г. GITA (Междисциплинарная группа по античному театру Университета Поль-Валери, Монпелье).

¹²³ *Seaford. Op. cit. P. 3. Not. 129.*

деленные роли актеры и участники хора сатиров держат в руках соответствующие маски. Все маски бородаты, но носители масок сатиров, в противоположность актерам, безбороды, из чего Винклер заключает: «Как свидетельствует иконография, они — эфебы»¹²⁴. Впечатляющий аргумент, поскольку контраст между актерами и хоревтами бесспорен, хотя безбородый мужчина может быть с таким же успехом νεός, как и эфеб. Однако даже если допустить, как это делается обычно, что в V в. до н. э. трагические поэты использовали один и тот же хор в трагедиях и сатировой драме, данный источник слишком поздний и изолированный для того, чтобы делать такие обобщения. Более того, можно утверждать, что между сатирами и эфебами вообще существует некоторое родство, на аттических вазах они взаимозаменяемы. И те, и другие находятся μεταξύ, одни — между дикостью и цивилизацией, другие — между детством и зрелостью, причем эти четыре понятия попарно совпадают. Как отметил еще Р. Сиффорд¹²⁵, освобождение сатиров из плена или рабства — одна из основных тем сатирических драм, а это действие можно сблизить с обрядом инициации. Не совсем ясно, как можно отклонить эти аргументы, говоря о персонажах, которых представляет хор.

Пора подводить итоги. Однако прежде чем сделать это, я упомяну еще одну проблему, которая была совершенно определенно поставлена в самом конце «Черного Охотника» 1968 г. В противопоставлении архаического эфеба или крипта, с одной стороны, и гоплита — с другой подразумеваются два противоположных способа ведения войны: война ночная и дневная, хитрость и сражение лицом к лицу, поединок и коллективный бой, беспорядок и порядок. Разумеется, «беспорядок» прекрасно выстроен — это организованный и в какой-то степени концептуальный беспорядок. Нельзя считать историчной противоположность, которая отмечается, например, между яростью (λύσσα) гомеровского воина и самообладанием (σωφροσύνη) воина-гражданина или (τάξις) порядком гоплитской фаланги¹²⁶. Ведь гомеровская война также имела свою форму порядка, а война граждан — свой беспорядок. Здесь можно прибегнуть к сравнительному методу для объяснения этого противопоставления. Существует множество его видов, и социология, как и этнология, могла бы быть нам полезной. Однако я говорю сейчас о той специфической разновидности компаративистики, которой мы обязаны Ж. Дюмезилю и его исследованиям индоевропейцев.

В 1940 г. в первом издании своего труда «Митра — Варуна» Дюмезиль открыл двойность первой из своих трех функций — функции верховной власти. Митра в ней воплощает порядок, Варуна — беспорядок и насилие. То же противопоставление, перенесенное в область истории, существует в Риме между двумя первыми царями — Ромулом (со стороны «Варуны») и Нумой (со стороны «Митры»). Я задаюсь вопросом: не было ли аналогичной двойности внутри второй, воинской функции? В некоторых основных работах Ж. Дюмезиля можно встретить указания на ход его мысли именно в этом направлении, как относительно индийцев, так и относительно скандинавов¹²⁷, однако, насколько мне известно, он не подвергал

¹²⁴ Winkler. Op. cit. P. 39.

¹²⁵ Seaford. Op. cit. P. 33—36.

¹²⁶ См. исследование М. Детьена о фаланге (Op. cit. P. 123).

¹²⁷ Например, Dumézil G. Mythe et Épopée. V. I. P., 1968. P. 63—65; *idem*. Heur et malheur du guerrier. P., 1985³. P. 140, 161—168.

образ римского воина систематическому исследованию под этим углом зрения ¹²⁸.

Работы двух очень разных, хотя и являющихся учениками Ж. Дюмезиля исследователей, ираниста и медиевиста, которые оба оказали мне честь, поддержать их мнением аргументацию «Черного Охотника», позволяют думать, что это предположение не лишено смысла. О. М. Дэвидсон открыла эти два способа ведения войны в «Шах-наме» Фирдоуси, правда, связанные там не с юношами и взрослыми, а с иранцами, которые, очевидно, относятся к сфере порядка (*τάξις*), как сказали бы греки, и их врагами туранцами ¹²⁹. Со своей стороны, Дж. Грисворд нашел в героических песнях цикла о Гильоме Коротконосом то же противопоставление, которое Дюмезиль отмечал в скандинавском мире между Тором и Одним, а в «Махабхарате» — между тяжеловооруженным воином (при этом лучником! — все зависит от значения лука) Арджуной и вольтижером Бхимой. Я же указал на тот же характер противопоставления в «Черном Охотнике» — между гошлитом и спартанским криштом ¹³⁰.

Если эта идея — идея двоичности воинской функции — имеет какую-то ценность и какое-то будущее, будь то в изучении греческого мира ¹³¹ или любой другой области, не мне, а кому-то другому предстоит ее развить. Как бы то ни было, здесь я кончаю свою работу.

¹²⁸ Как ни странно, в книге «Mitra — Varuna» (Р., 1948². Р. 48—54) Дюмезиль проводит параллель между фламинами и луперками как между *seniores* и *iuniores*. Однако он считает, что луперки относятся к первой функции, хотя и цитирует Валерия Максима (II.2), который определяет их в качестве «молодежи всаднического сословия» (*equestrís ordinis iuventus*). Не должен ли этот вопрос быть пересмотрен? Благодарю Дж. Шейда за указания, которые он мне дал на этот счет.

¹²⁹ Davidson. Op. cit. Р. 61—148, особенно 81—87.

¹³⁰ Grisward. Op. cit. Р. 222—224. Однако я не думаю, что оппозиция «внутреннее — внешнее», которая, согласно Дж. Грисворду, разделяла воинскую функцию в средневековье, может считаться универсальной. В Афинах эфев, согласно этому критерию, был бы «внутренним», поскольку он был обязан находиться на территории полиса, что дало бы пару оппозиций, противоположную той, какую предполагает Грисворд.

¹³¹ См. попытку связать греческие инициации с индоевропейской идеологией при широком использовании «Черного Охотника»: Briquel. Op. cit.